

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.15>

UDC 81'272
LBC 81.006.2

Submitted: 04.09.2022
Accepted: 06.03.2023

METHODS FOR ESTIMATING THE LANGUAGE CONFLICT POTENTIAL¹

Aysa N. Bitkeeva

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Svetlana V. Kirilenko

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the issues of language conflict and the capacity to estimate the conflict potential of the language situation in multilingual communities. The prerequisites and causes for the emergence of language conflicts in language communities, as well as the incentives and triggers that provoke their occurrence are investigated. The research highlights applicability of current approaches to a conflict study developed in the frameworks of social sciences for language conflict potential identification. The methodology for measuring the conflict potential of the language community is described as conducting surveys with respondents, further assessment of existing threats to the linguistic situation stability, and evaluation of speakers' satisfaction. The efficiency of adopted procedures application is proved, their predictive potential is revealed. The method for assessing tensions in a language community is considered in the context of a threat to the identity of a language group, and the results of the practical application of this technique are based on a field study conducted in the Republic of Dagestan. The effectiveness of conflict potential studying method as a combination of realistic and symbolic threats and inter-group anxiety is confirmed on the material of respondents' questionnaire surveys and interviews with experts conducted in the Republic of Tatarstan. The assessment of tension in the language community, based on scaling technique that provides possibility for identifying four stages in the development of a language conflict, was carried out on the data obtained with the survey of residents of the Republic of Kalmykia.

Key words: language conflict, conflict potential, language community, speaker, social tension, language policy.

Citation. Bitkeeva A.N., Kirilenko S.V. Methods for Estimating the Language Conflict Potential. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 192-207. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.15>

УДК 81'272
ББК 81.006.2

Дата поступления статьи: 04.09.2022
Дата принятия статьи: 06.03.2023

ИЗМЕРЕНИЕ КОНФЛИКТОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ: ПОИСК ИНСТРУМЕНТАРИЯ¹

Айса Николаевна Биткеева

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Светлана Владимировна Кириленко

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблематика языкового конфликта и возможности исследования конфликтности языковой ситуации в мультилингвальных сообществах с прогностическими целями. Охарактеризованы предпосылки языковых конфликтов и триггеры, провоцирующие их возникновение. Показаны возможности адаптации современных подходов к изучению конфликта, которые разработаны в социологии, для выявления потенциала языковой конфликтности. Рассмотрены современные методики из-

мерения конфликтогенного потенциала посредством проведения опросов респондентов, дальнейшего оценивания существующих угроз стабильности сложившейся языковой ситуации и определения степени удовлетворенности среди членов языкового сообщества. Представлены результаты, подтверждающие эффективность использования адаптированных методик и раскрывающие их прогностический характер. Возможности применения методики оценки напряженности в языковом сообществе показаны на материале полевого исследования угрозы идентичности языковой группы, проведенного в Республике Дагестан. Эффективность методики исследования конфликтогенного потенциала как совокупности реалистичных угроз, символических угроз и межгрупповой тревоги продемонстрирована на материале анкетных опросов респондентов и интервью с экспертами в Республике Татарстан. Оценка напряженности языкового сообщества с применением методики шкалирования, позволившей установить четыре стадии развития языкового конфликта, осуществлена на материале данных, которые получены в результате опроса жителей Республики Калмыкия.

Ключевые слова: языковой конфликт, конфликтогенный потенциал, языковая общность, говорящий, социальная напряженность, языковая политика.

Цитирование. Биткеева А. Н., Кириленко С. В. Измерение конфликтогенного потенциала языковой ситуации: поиск инструментария // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 192–207. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.15>

Введение

Языковой конфликт понимается сегодня как столкновение между сообществами людей, в основе которого лежат те или иные проблемы, связанные с языком (ССТ, с. 276). Как правило, он возникает по поводу следующих актуальных вопросов: какой язык должен быть официальным языком в институциональном домене общения, обучение каким языкам реализуется в сфере образования, какой язык должен использоваться в административной и судебной системах и т. д.

Типологии языковых конфликтов разрабатывались в трудах отечественных и зарубежных ученых. В зависимости от принципов, положенных в основу классификации, выделяются: 1) языковые конфликты в связи с наличием или отсутствием официального статуса языка; 2) языковые конфликты между титульными и нетитульными языковыми сообществами (возникают в местах совместного проживания языковых сообществ или вследствие иммиграции и образования диаспор); 3) языковые конфликты между говорящими на доминирующем языке и носителями миноритарных языков; 4) языковые конфликты на основе использования языка как орудия борьбы и как символа борьбы; 5) языковые конфликты между различными социально-коммуникативными системами и внутри их отдельных элементов; 6) языковые конфликты в связи с угрозой идентичности языковой группы; 7) языковые конфликты, возникшие под воздействием внутренних или внешних причин; 8) есте-

ственно и искусственно возникшие языковые конфронтации и др. (подробно см.: [Аюпова, 2000; Баскаков, 1994; Крючкова, 1994; Кондрашкина, 2016; Михальченко, 2014; Никольский, 1991; Cargile, Giles, Clément, 1995; Nelde, 1993; 1998; O’Driscoll, 2019]).

Языковой конфликт представляется в виде многофакторной сложной модели, включающей его предпосылки и триггеры. Рассмотрим роль каждого из компонентов в проявлении и динамике языковых конфликтов.

Предпосылки, или исходные причины языкового конфликта возникают либо внутри сообщества, либо навязываются извне влиятельным политическим окружением. Внутри сообщества вследствие происходящих в нем политических, экономических, социальных и многих других изменений в его языковой жизни может возникнуть напряженность, приводящая к языковой конфронтации – противостоянию «групп людей, причиной которого являются языковые проблемы, обычно стремление демографически и/или социально доминирующего этноса ущемить языковые права других этнических групп или нежелание разных этнических групп изучать язык доминирующего этноса» (ССТ, с. 267). Наиболее яркие примеры языковой конфронтации можно наблюдать в общностях с пестрым этническим составом, а также в языковых сообществах с несбалансированным функциональным распределением языков.

Спровоцировать возникновение конфликтных настроений в социуме могут изменения в языковой идеологии. В широком понимании

языковая идеология – это набор представлений о языке, его роли в обществе, характеристиках и внутреннем устройстве (DS, p. 171). Одной из форм языковой идеологии является лингвистический национализм, который «относится к кругу идей и представлений о социальной реальности, в которых допускается или даже утверждается особая связь между нацией (этнической группой) и ее языком» [Штырков, 2011, с. 327]. Такие настроения в социуме потенциально конфликтны, в особенности в условиях политической нестабильности и/или экономических неурядиц.

Языковой конфликт возникает вследствие процессов, воздействующих на языковое сообщество извне. Причинами конфликта может стать сужение функциональной нагрузки языка, противоречия в реализации его инструментальной функции, ограниченность существующих языковых ресурсов, обеспечивающих многообразие форм речи, которое вызвано экстралингвистическими факторами. Это может быть политическое влияние другого языкового сообщества, его экономическое давление, приводящее к доминированию «внешнего языка» в языковой жизни речевого сообщества. В данном случае главным фактором развития и интенсификации языкового конфликта становятся, согласно П. Нельде, препятствия в социальной мобильности для уязвимой языковой группы («a critical factor in the expansion and intensification of such conflict remains the impediment to social mobility» [Nelde, 1998, p. 197]).

Почвой для зарождения языкового конфликта становятся миграционные процессы. Это возможно в том случае, если активизируется языковая дискриминация, что вынуждает диаспоры объединиться для защиты своих языковых прав. Как показано О.В. Балясниковой, нарушение языковых прав часто остро воспринимается говорящими в связи с основанными опасениями перерастания языковой дискриминации в притеснения по этническому признаку [Балясникова, 2015, с. 202]. В процессе миграции происходит также воздействие языков друг на друга и зачастую зарождается лингвистическая диффузия, то есть начинается проникновение новых языковых элементов в используемый идиом. В такой ситуации могут образоваться и существовать в

течение определенного периода времени альтернативное произношение, грамматические формы и слова, сформировавшиеся на основе «пришлых» языков, что может вызывать недовольство у так называемых «консервативных говорящих» (подробно см.: [Кириленко, 2021]).

Среди триггеров (внешних стимулов) возникновения конфликтных ситуаций Р. Ставенхаген, изучая этнополитические конфликты, выделил побудительные стимулы к политической борьбе, готовность членов языковой группы к коллективным действиям, компактность проживания языковой группы, наличие значимых харизматичных лидеров, появление поддержки в политических кругах (см. об этом: [Stavenhagen, 1996, p. 64]).

Триггеры языкового конфликта можно подразделить на внутренние и внешние:

1) внутренние – противоречия в языковом сообществе: стремительные изменения устройства сообщества, затрагивающие языковые интересы. Событиями, непосредственно влияющими на появление конфликта, может стать стремительный отказ части говорящих от использования родного языка даже в семейно-бытовой сфере, сопровождающийся переходом на другой язык, что вызывает негативное отношение со стороны консервативной части языкового сообщества; обычно этому сопутствуют растущий негативизм говорящих по отношению к родному языку и резкое снижение языковой лояльности;

2) внешние угрозы благополучию языка: резкие изменения в языковой политике вследствие давления «извне», эскалация языковой дискриминации со стороны говорящих на доминирующем языке, введение ограничений на использование языка или изучение / обучение языку сторонним языковым сообществом.

Как правило, языковой конфликт реализуется в неявной форме, поэтому важно своевременно идентифицировать существующую напряженность, определить возможные разногласия среди проживающих на одной территории носителей разных языков и определить уровень беспокорства внутри языковых сообществ. Публикации, посвященные разработке методов изучения языковых конфликтов единичны [Михальченко, 2014; Кондрашкина, 2016; Биткеева, Кириленко, 2022], что и обусловило предмет нашего исследования.

Поскольку языковой конфликт – это разновидность социального конфликта, основой для выработки инструментария изучения и прогнозирования языкового конфликта может быть адаптация методик, которые применяются в социологии для исследования любого социального конфликта. Измерение социальной напряженности проводится, как правило, посредством тестов, позволяющих оценить удовлетворенность респондентов степенью реализации их потребностей. Опросные методики обеспечивают получение информации о состоянии общественного мнения, но не дают возможности точно определить степень напряжения, своевременно регулировать уровень напряжения в социуме, предупреждать социальные конфликты, дестабилизирующие общество (см., например: [Баранова, Фролов, 2012, с. 53–56]). Очевидна необходимость расширения исследовательского инструментария методами, позволяющими выявлять факторы, вызывающие напряженность, детерминировать социальные группы с высоким уровнем неудовлетворенности, прогнозировать конфликты, находить способы их предотвращения и решения. Далее рассмотрим некоторые методики, использованные в исследовании языкового конфликтогенного потенциала.

Результаты и обсуждение

Оценка напряженности в языковом сообществе в контексте угрозы идентичности языковой группы

Проблематика идентичности в контексте языкового конфликта достаточно полно исследована в трудах социолингвистов. Языковой конфликт в них понимается как форма конфликта, при которой по крайней мере одна из сторон – участников конфликта (языковое сообщество) считает, что страдают их языковые права, и в значительной степени это связано с угрозой языковой идентичности. Подобного рода конфликт потенциально ощущается как угроза целостности языковой группы и может приводить к зарождению языкового шовинизма (подробно см.: [Биткеева, Кириленко, 2022, с. 201–203]). Языковая идентичность формируется на основе сочетания материальных и нематериальных характеристик языко-

вого сообщества. Под материальными характеристиками идентичности языковой общности понимается прежде всего язык, а также вся совокупность особенностей языковых признаков и речевого поведения, присущая данной общности. Нематериальные характеристики идентичности языковой общности – это языковая картина мира и особенности культуры, отраженные в языке. Языковой конфликт может возникнуть в условиях сочетания двух основных параметров. Первый параметр связан с осознанием языковым сообществом единой языковой идентичности (при этом говорящие одновременно могут высутпать членами нескольких языковых общностей). Формирование языковой идентичности в общности как потенциально конфликтного параметра обусловлено последующим противопоставлением собственной языковой общности другим языковым сообществам. Второй параметр связан с появлением или усилением дискриминации какой-либо общности по языковому признаку.

Исследование конфликтогенного потенциала языкового сообщества на основе выделенных параметров предполагает поиск факторов среди членов языкового коллектива. В фокусе исследования находится проблема вероятности возникновения противоречий. Выявление конфликтогенного потенциала целесообразно начать с изучения современного состояния языковых сообществ. Методика его определения была апробирована на материале анонимного добровольного анкетного опроса 200 респондентов, проведенного в Республике Дагестан в июне 2021 года. Были опрошены преимущественно жители г. Махачкалы, около 90 % из них – это молодые люди в возрасте до 30 лет. Такая выборка была сделана для того, чтобы оценить существующую в настоящее время языковую ситуацию и построить ее прогностические модели. По мнению многих ведущих социолингвистов, прежде всего У. Лабова, именно молодежь, владеющая языком и использующая его в повседневной жизни, играет ключевую роль в сохранении языка. При проведении анкетирования учитывались уровень владения родным языком у опрошенных и сферы его использования. Респондентам были заданы вопросы, ответы на которые отражали бы оценку стату-

са и престижа языков Дагестана в предыдущие годы и перспектив языкового развития.

Первый параметр (осознание языковым сообществом единой языковой идентичности) определялся посредством анализа ответов на следующие вопросы: «Является ли Ваш родной язык более ценным, чем другие языки?», «Считаете ли Вы свой язык выше (авторитетнее), чем другие языки?», «Как Вы относитесь к языковым обычаям, языковым традициям других народов Вашего региона?». Количественное распределение ответов на эти вопросы представлены в таблице 1.

Очевидно, что языковые традиции многонационального региона воспринимаются опрошенными позитивно. Однако ценность собственного языка примерно у трети опрошенных в их собственных глазах выше по сравнению с другими языками. Соответственно, отмечается высокий уровень этноязыковой идентичности среди респондентов.

Второй параметр (возникновение или усиление дискриминации группы говорящих по языковому признаку) выявлялся на материале ответов на следующие вопросы: «Бывало ли, что Вы подвергались дискриминации, притеснениям из-за использования своего родного языка?», «Верно ли утверждение: “Языковые конфликты иногда возникают в нашем регионе”?», «Верно ли утверждение: “Нацио-

нальные языки Республики Дагестан находятся в опасности из-за того, что многие люди говорят на русском языке”?»). Количественное распределение ответов на эти вопросы представлены в таблице 2.

Как видим, в целом респондентами не отмечается дискриминации в отношении использования ими родных языков, хотя единичные случаи возникновения языковых конфликтов фиксируются. Помимо этого, у опрошенных наблюдается высокий уровень обеспокоенности в отношении будущего родных языков в условиях конкуренции с русским языком. Среди актуальных языковых проблем Дагестана в нарративах жителей республики выделяются следующие: состояние и угасание родных языков, нигилизм среди молодежи по отношению к родным языкам (особенно среди горожан), отсутствие закона о языках Республики Дагестан. Информанты отмечают, что многонациональность Дагестана – это и радость, и беда. Уникальная полиэтничная и многоязычная языковая ситуация в Дагестане создает определенные трудности для надления языков Дагестана статусом государственных, институционализации языков, соответственно, расширения их функциональной базы. Этот фактор препятствует принятию закона о языках Республики Дагестан, который мог бы спровоцировать

Таблица 1. Количественная характеристика ответов респондентов, отражающая осознание сообществом языковой идентичности

Table 1. Quantitative characteristics of respondents' feedback, which reflect the community's awareness of linguistic identity

Вопрос	Ответы респондентов	Количество ответов, %
Является ли Ваш родной язык более ценным, чем другие языки?	Да, мой родной язык более ценный, чем другие языки	20
	Частично согласен	4
	Частично не согласен	2
	Нет, все языки одинаково ценны	70
	Затрудняюсь ответить	4
Считаете ли Вы свой язык выше (авторитетнее), чем другие языки?	Да, мой родной язык выше (авторитетнее), чем другие языки	10
	Частично согласен	8
	Частично не согласен	6
	Нет, все языки одинаково равны	72
	Затрудняюсь ответить	4
Как Вы относитесь к языковым обычаям, языковым традициям других народов Вашего региона?	Положительно	92
	Положительно, но только к некоторым языкам	4
	Нейтрально	2
	Скорее отрицательно, нежели положительно	0,5
	Отрицательно	0,5
	Затрудняюсь ответить	0

Таблица 2. Количественная характеристика ответов респондентов, отражающая осознание сообществом появление или усиление языковой дискриминации

Table 2. Quantitative characteristics of respondents' responses which reflect community awareness of the emergence or intensification of language discrimination

Вопрос	Ответы респондентов	Количество ответов, %
Бывало ли, что Вы подвергались дискриминации, притеснениям из-за использования своего родного языка?	Да, было неоднократно	4,5
	Да, один-два раза	9,5
	Нет	86
Верно ли утверждение: «Языковые конфликты иногда возникают в нашем регионе»?	Полностью согласен	34
	Частично согласен	0
	Частично не согласен	0
	Совершенно не согласен	47
	Затрудняюсь ответить	19
Верно ли утверждение: «Национальные языки Республики Дагестан находятся в опасности из-за того, что многие люди говорят на русском языке»?	Полностью согласен	50
	Частично согласен	26
	Частично не согласен	0
	Совершенно не согласен	19
	Затрудняюсь ответить	5

языковые и межэтнические конфликты. Несмотря на ощутимый языковой сдвиг, символический потенциал языков довольно высок: родные языки выполняют функцию этнического символа. Активны движения по возрождению языков и культур Дагестана, однако такая деятельность в республике связана в основном с поддержкой крупных языков (аварский, даргинский, кумыкский, лакский) (см. об этом: [Биткеева, 2021]).

В целом по совокупным результатам оценки обоих параметров можно сделать вывод о том, что среди членов языкового сообщества какой-либо существенной напряженности в аспекте языковой дискриминации не наблюдается.

**Исследование
конфликтного потенциала
языковой ситуации
посредством адаптации
«интегрированной теории угроз»**

Одним из инструментов измерения языкового конфликтного потенциала может стать адаптированная для этого «интегрированная теория угроз» (или «теория межгрупповых угроз») [Stephan W. G., Stephan C. W., 1985; 2000]. Она активно применяется в исследованиях по психологии и социологии при изучении противоречий в социальных группах (мигранты и коренные жители, расовые и ре-

лигиозные группы и пр.). Теория применима к любой социальной группе, что дает возможность использовать ее в изучении языковых общностей. Конфликтный потенциал определяется посредством измерения уровня напряженности среди членов языковой общности и выявления компонентов, способных угрожать благополучию языка. Осознанная или неосознанная угроза языку влечет за собой появление негативных стереотипов, порождающих языковые конфликты. Согласно данной теории изучаются предполагаемые угрозы, что позволяет разрабатывать сценарии развития языковой ситуации и прогнозировать его.

В качестве иллюстрации адаптации этой теории для изучения языкового конфликта приведем результаты анонимного добровольного анкетного опроса 267 респондентов, проведенного в Республике Татарстан в октябре 2021 г. и 20 устных интервью с экспертами, занимающимися вопросами сохранения татарского языка (результаты не персонифицированы). В анкетном опросе принимали участие жители г. Казани: молодые билингвы в возрасте от 18 до 30 лет. Интервью проводились с экспертами следующих групп: представители законодательной и исполнительной власти; представители интеллигенции (преподаватели вузов, ученые, работники СМИ); языковые активисты. По времени каждое интервью длилось до полутора часов.

Выявление конфликтогенных параметров осуществлялось в рамках трех компонентов оценивания уровня возможной напряженности языкового сообщества: реалистичные угрозы, символические угрозы и межгрупповая тревога.

Реалистичные угрозы – это угрозы, исходящие извне, угрожающие целостности, интересам, ресурсам и благополучному существованию группы [Croucher, 2017, p. 4]. Они формируются на основе противопоставления членов сообщества внешнему окружению. К этому типу угроз относятся также угрозы в отношении политической и экономической власти и материальному благополучию членов сообщества. Как указывают В.Г. Стефан и О. Ибарра, типичная реакция на осознаваемые или неосознаваемые реалистичные угрозы – это избегание, агрессия или даже тенденции к сепаратизму («In the context of immigration policy, realistic threats may lead to a preference for separatism» [Stephan, Ybarra, Morrison, 2016]).

Для языковой общности можно выделить угрозы благополучному существованию языковой группы, ее целостности, сокращения функционирования языка в разных сферах общения. Прежде всего, это опасность, исходящая от иных языковых сообществ, угрожающая целостности группы своим существованием, например, доминирующие языковые общности по отношению к языкам малочисленных народов. Ущемление языковых прав, запреты использования языка, сокращение преподавания языков в школах – все это может создать ощутимую реалистичную угрозу языковому сообществу (подробно см.: [Кириленко, 2022, с. 17–18]). Содержание вопросов анкетирования ориентировано на политические, экономические, социальные угрозы благополучию языкового сообщества; угрозы существованию языковой группы.

Для выявления реалистичных угроз респондентам были заданы следующие вопросы: «Как лично Вы относитесь к людям, разговаривающим на языке, который Вы не понимаете?», «Верно ли следующее утверждение: “Люди, говорящие только на татарском языке, не могут устроиться на хорошую работу в Вашем регионе”?», «По Вашему мнению, каким должен быть выбор языка обучения в

школьном образовании?», «Нужно ли заставлять человека изучать титульный язык республики (национальный язык), если этот язык для него родным не является?», «Верно ли следующее утверждение: “Языковые конфликты иногда возникают в нашем регионе”?». Количественное распределение ответов на эти вопросы представлены в таблице 3.

Количественные данные показывают, что в рамках реалистичных угроз у опрошенных есть основания для беспокойства о существовании языковой группы говорящих на татарском языке и сокращении функционирования языка в разных сферах общения. Эти данные подтверждаются материалом, полученным из экспертных интервью, проведенных в Республике Татарстан одновременно с анкетным опросом. Обеспокоенность у экспертов вызывает добровольность выбора в школе родных и государственных языков, осуществляемого родителями учеников. Эксперты высказывали мнения, что статус предмета «татарский язык» и статус учителей родных языков снижаются, выбор татарскими детьми русского языка в качестве родного мотивирован возможностью лучше подготовиться к ЕГЭ. Вызывает обеспокоенность у экспертов и то, что учителям приходится персонально уговаривать родителей записать детей на уроки родного для них татарского языка.

Символические угрозы – это угрозы религии, ценностям, системе убеждений, идеологии, философии, морали или мировоззрению группы («Symbolic group threats are threats to a group’s religion, values, belief system, ideology, philosophy, morality, or worldview» [Croucher, 2017, p. 5]), то есть угрозы символической среде, отражающей общую культурную и этническую однородность социума [Schmuck, Matthes, 2017, p. 609]. Этот тип угроз тесно связан с идентичностью членов сообщества и их образом жизни.

По отношению к языковой общности в качестве символических можно рассматривать угрозы языковой жизни группы, угрозы языковым ценностям, нормам, идеологии, отпавлению религиозных обрядов. Они связаны с языковой идеологией, то есть с восприятием языка его носителями, а также с процессами корпусного планирования языка, вы-

Таблица 3. Количественная характеристика ответов респондентов, отражающих реалистичные угрозы

Table 3. Quantitative characteristics of respondents' responses, which reflect realistic threats

Вопрос	Ответы респондентов	Количество ответов, %
Как лично Вы относитесь к людям, разговаривающим на языке, который Вы не понимаете?	Положительно	64
	Положительно, но только к некоторым языкам	3
	Нейтрально	27
	Больше отрицательно, нежели положительно	3
	Отрицательно	3
Верно ли следующее утверждение: «Люди, говорящие только на татарском языке, не могут устроиться на хорошую работу в Вашем регионе»?	Полностью согласен	12
	Частично согласен	18
	Частично не согласен	12
	Совершенно не согласен	34,5
	Затрудняюсь ответить	23,5
По Вашему мнению, каким должен быть выбор языка обучения в школьном образовании?	Обязательным	30
	Добровольным	64,8
	Затрудняюсь ответить	5,2
Нужно ли заставлять человека изучать титульный язык республики (национальный язык), если этот язык для него родным не является?	Нет	62
	Да	33,3
	Затрудняюсь ответить	3,1
Верно ли следующее утверждение: «Языковые конфликты иногда возникают в нашем регионе»?	Полностью согласен	45
	Частично согласен	0
	Частично не согласен	20
	Совершенно не согласен	0
	Трудно сказать, согласен или не согласен	35

работки стандартного варианта. Символические угрозы возникают и тогда, когда появляются опасения относительно снижения уровня престижности языкового варианта, уменьшается языковая лояльность молодежи. Вопросы анкеты ориентированы на языковую лояльность, витальность языка, восприятие языка (подробно см.: [Кириленко, 2022, с. 18–19]).

Для выявления символических угроз респондентам были заданы следующие вопросы: «Как Вы считаете, на каком языке сейчас престижно говорить в Республике Татарстан: [На татарском языке]?»», «Как Вы считаете, может ли человек относить себя к определенной национальности, если он не владеет языком этой нации?»», «Насколько важен для Вас язык, на котором Вы говорили в детстве?». Количественное распределение ответов на эти вопросы представлены в таблице 4.

Основываясь на анализе количественных данных, в отношении символических угроз можно сделать вывод о том, что в настоящий момент нет основания для опасений относительно

снижения уровня престижности языкового варианта, языковая лояльность среди опрошенных высока. Сохраняется высокая символическая значимость татарского языка среди молодых людей, владеющих им, развитое национальное самосознание и деятельность языковых активистов способствуют его сохранению и развитию. Однако при этом отмечается спокойное отношение опрошенных к незнанию собственного языка, что впоследствии может привести к снижению уровня владения языком, и тревожные оценки у интервьюированных экспертов.

Межгрупповая тревога состоит из трех компонентов: эмоционального, когнитивного и физиологического. Эмоциональный компонент включает ощущение дискомфорта, тревоги, отвращения и других подобных чувств по отношению к членам иной общности (см. об этом: [Stephan W. G., Stephan C. W., 1985, p. 2–3]). Социолингвистические исследования подтверждают наличие большего дискомфорта для человека при общении с представителями другой общности, чем с предста-

Таблица 4. Количественная характеристика ответов респондентов, отражающих символические угрозы

Table 4. Quantitative characteristics of respondents' responses, which reflect symbolic threats

Вопрос	Ответы респондентов	Количество ответов, %
Как Вы считаете, на каком языке сейчас престижно говорить в Республике Татарстан: [На татарском языке]?	Престижно	55
	Скорее престижно непрестижности татарского языка	15
	Затрудняюсь ответить	15
Как Вы считаете, может ли человек относиться себя к определенной национальности, если он не владеет языком этой нации?	Да	45
	Нет	28
	Затрудняюсь ответить	27
Насколько важен для Вас язык, на котором Вы говорили в детстве?	Важен	90
	Очень важен	0
	Отношусь нейтрально	10
	Не очень важен	0
	Затрудняюсь ответить	0

вителем своей общности [Littleford, Wright, Sayoc-Parial, 2005; Liu, Chua, Stahl, 2010]. Негативный эффект, который возникает при коммуникации с представителями иной языковой общности, может впоследствии приводить к появлению мыслей о том, что и межгрупповое взаимодействие обречено на неудачу.

Эмоциональный компонент межгрупповой тревоги измерялся посредством определения уровня напряженности в процессе взаимодействия с иноязычной общностью. Респондентам был задан вопрос: «Как лично Вы относитесь к людям, разговаривающим на языке, который Вы не понимаете?». Количественное распределение ответов на эти вопросы представлены в таблице 5.

Когнитивный компонент связан с межгрупповой тревогой, поскольку при общении с представителями другой языковой общности у говорящих возникают предубеждения о негативных последствиях этой коммуникации, ощущения непонимания и связанного с этим раздражения и чувства некомпетентности. Если

существуют негативные ожидания от коммуникации с представителем иной языковой общности, то, соответственно, уровень межгрупповой тревоги будет высоким. Для анализа этого компонента респондентам был предложен вопрос: «Возникало ли у Вас опасение, что Вас могут обмануть при общении с людьми на языке, который Вы плохо понимаете?». Количественные данные представлены в таблице 6.

Физиологический компонент объединяет всевозможные физиологические реакции, возникающие в ответ на ощущение тревоги при коммуникации. Вопрос анкеты, соответственно, связан с выявлением негативных физиологических реакций во время общения: «Имели ли место физиологические реакции, при общении на языке, который не является для Вас родным (например, учащенное сердцебиение, тремор конечностей, повышенное потоотделение и пр.)?». Этот вопрос не был обязательным, на него дали ответ только 90 опрошенных из 267: из них треть – «Да», а две трети – «Нет» (см. табл. 7).

Таблица 5. Количественная характеристика ответов респондентов, отражающая наличие эмоционального компонента межгрупповой тревоги

Table 5. Quantitative characteristics of respondents' responses, which reflect the presence of an emotional component of intergroup anxiety

Вопрос	Ответы респондентов	Количество ответов, %
Как лично Вы относитесь к людям, разговаривающим на языке, который Вы не понимаете?	Положительно	64
	Нейтрально	27
	Отрицательно	3
	Затрудняюсь ответить	6

Таблица 6. Количественная характеристика ответов респондентов, отражающая наличие когнитивного компонента межгрупповой тревоги

Table 6. Quantitative characteristics of respondents' responses, which reflect the presence of a cognitive component of intergroup anxiety

Вопрос	Ответы респондентов	Количество ответов, %
Возникло ли у Вас опасение, что Вас могут обмануть при общении с людьми на языке, который Вы плохо понимаете?	Да	30
	Нет	50
	Затрудняюсь ответить	20

Таблица 7. Количественная характеристика ответов респондентов, отражающая наличие физиологического компонента межгрупповой тревоги

Table 7. Quantitative characteristics of respondents' responses, which reflect the presence of a physiological component of intergroup anxiety

Вопрос	Ответы респондентов	Количество ответов, %
Имели ли место физиологические реакции при общении на языке, который не является для Вас родным (например, учащенное сердцебиение, тремор конечностей, повышенное потоотделение и пр.)?	Да	33,5
	Нет	66,5
	Затрудняюсь ответить	0

Межгрупповая тревога вызвана разногласиями, несовпадением мыслей или идей среди представителей различных взаимодействующих групп. Межгрупповой конфликт отличается тем, что он развивается из неявных или реальных несоответствий между членами разных групп. Конфликт межгруппового взаимопонимания обозначается как несоответствие ожиданий членов различных языковых групп, что влечет за собой напряжение, неприязнь и разочарование. Резюмируя проанализированные данные, полученные в результате анкетирования, можно сделать следующие выводы относительно межгрупповой тревоги: ответы на вопросы, связанные с выявлением эмоционального, когнитивного или физиологического напряжения внутри языкового сообщества таких признаков не выявили. В ответах респондентов не было обнаружено признаков тревожности или разочарования при нахождении среди говорящих на другом языке, который они не понимали.

Исследование языкового конфликтного потенциала: методика шкалирования

Для изучения языкового конфликта продуктивна методика шкалирования, активно используемая в социологических исследова-

ниях. Применение данной методики исследования конфликтного потенциала, как показано Г.В. Барановой и В.А. Фроловым, эффективно для установления соответствия между стадиями развития напряженности (качественная характеристика), ее уровнями (количественная характеристика) и формами проявления, влияющими на стабильность общества [Баранова, Фролов, 2012]. Поскольку нас интересует языковой конфликтный потенциал в существующей языковой ситуации, целью анализа стало прогнозирование языкового конфликта для определения возможных путей и средств снижения напряженности до уровня фонового. Результатом прогнозирования должны стать ответы на вопросы: 1) какого уровня социальной напряженности вероятнее всего можно ожидать в будущем; 2) какие условия и каким образом нужно изменить, чтобы достичь фонового уровня социальной напряженности.

Уровни развития напряженности зависят от неудовлетворенности населения, несоответствия между предпочтениями, потребностями жителей города, региона, страны и реальным положением дел. Существуют фоновый, повышенный, высокий, критический уровни. С ростом уровня конфликтного потенциала происходит переход из одной стадии развития в другую, меняются

формы выражения. Как правило, выделяются 4 стадии языкового конфликта – латентная, начальная, стадия явной социальной напряженности конфликта и непосредственно языковой конфликт. Ранее нами уже применялась данная методика в прикладных исследованиях, отметим, высокую результативность метода (см.: [Биткеева, Вингендер, Михальченко, 2019, с. 20]).

Латентная стадия (фоновый уровень) характеризуется относительной сбалансированностью условий и требований. Такое состояние выражается в нейтральной оценке ситуации респондентами. Однако нейтральная оценка не означает отсутствия проблемы, она свидетельствует о проявлении конструктивной социальной активности населения, которая выражается в устных или письменных обращениях в местные органы управления с пожеланиями и требованиями уладить ситуацию.

Начальная стадия (повышенный уровень) характеризуется явным несоответствием между ожиданиями, предпочтениями и потребностями. Эта стадия проявляется в росте обеспокоенности ситуацией, распространение тревоги относительно потенциальных угроз, недоверия властям. Проявляются признаки готовности противостоять нежелательным изменениям. Возможно проведение мирных акций, митингов, при этом адресатом требований являются местные власти.

Стадия явной социальной напряженности (высокий уровень) характеризуется ростом неудовлетворенности, осознанием ситуации, реально угрожающей интересам субъектов. Эта стадия проявляется в обострении проблемных ситуаций во всех сферах общественного развития, формировании образа врага, проведении многочисленных митингов. Адресат требований – региональные власти.

Стадия социального (языкового) конфликта (критический уровень) характеризуется завершением осознания социальным субъектом (группой, языковой общностью) глубокого несоответствия социально-политической ситуации ее ценностям и интересам, появляется готовность устранить это несоответствие путем социального столкновения. Эта стадия проявляется в обострении недовольства, которое приобретает массовый характер, протестующие, как правило, обращают претен-

зии в более высокие властные структуры [Баранова, Фролов, 2012, с. 52].

Для измерения конфликтогенности применяются опросные методики, позволяющие зафиксировать текущие мнения языковой общности по разным параметрам: поддержка введения добровольного изучения языков в школе, удовлетворенность действиями власти в этом вопросе, поддержка или уменьшение количества часов на родной язык в школе и т. д.

Анализ эмпирического материала осуществляется с использованием шкалы значимости факторов для респондента и шкалы неудовлетворенности респондентов положением дел по предложенным параметрам.

По шкале значимости в анкете используется порядковая шкала с вербальным закреплением границ от 1 до 6:

1. Совсем не важно.
2. Практически не важно.
3. Скорее не важно, чем важно.
4. Скорее важно, чем не важно.
5. Важно.
6. Очень важно.

Шкала неудовлетворенности фиксирует социальную напряженность:

1. Полностью удовлетворен.
2. Практически удовлетворен.
3. Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен.
4. Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен.
5. Практически не удовлетворен.
6. Полностью не удовлетворен.

Предлагается широкий круг вопросов анкеты, содержащих варианты ответов, отражающих удовлетворенность респондентов языковой ситуацией в регионе.

Показательной ситуацией является введение в 2018 г. добровольного изучения национальных языков в школе. Для оценки конфликтогенного потенциала социальной напряженности по этому вопросу было проведено анкетирование в Республике Калмыкия в мае 2018 г. и в апреле 2020 г. (см. табл. 8, 9). Выборка составляла 90 человек – представителей интеллигенции, студентов, пенсионеров.

В 2018 г. анализ опросов показал, что у населения возрастает обеспокоенность по поводу сложившейся ситуации, распространяет-

Таблица 8. Удовлетворенность жителей Калмыкии решением о введении добровольного изучения языков в школе

Table 8. Satisfaction of residents of Kalmykia with the decision to introduce voluntary language learning at school

Вопрос	Варианты ответа	Количество ответов, %	
		Май 2018	Апрель 2020
Удовлетворены ли Вы введением добровольного изучения языков в школе?	Полностью удовлетворен	23	33
	Практически удовлетворен	10	18
	Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	9	14
	Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	43	29
	Полностью не удовлетворен	15	6

Таблица 9. Мнение респондентов в Калмыкии о возможности участия в акциях протеста относительно введения добровольности изучения языков

Table 9. Opinion of respondents in Kalmykia on the possibility of participating in protest actions regarding the introduction of voluntary language learning

Вопрос	Варианты ответа	Количество ответов, %	
		Май 2018	Апрель 2020
Возможно ли Ваше участие в акциях протеста относительно введения добровольности изучения языков?	Допускаю	54	31
	Исключаю	37	47
	Затрудняюсь ответить	9	22

ся тревога, проявлялись признаки противостояния нежелательным изменениям (в это время в республике прошли митинги и пикеты с выдвижением требований к региональной власти обратить внимание на проблемы с состоянием калмыцкого языка).

Результаты исследования, представленные в таблицах 8 и 9, показывают, что в 2018 г. наблюдалось некоторое повышение протестной активности, обострение социальной напряженности по вопросу добровольного изучения языка (особенно в социальных группах интеллигенции и студентов). Более половины опрошенных (54 %) считали возможным участие в протестных акциях. В 2020 г. ситуация изменилась, она стала стабильнее, так как количество респондентов, допускающих возможность своего участия в протестах уменьшилось (31 %), а количество респондентов, исключивших для себя возможность участия в протестах увеличилось (47 %).

Таким образом, в 2018 г. фиксировалась явная социальная напряженность, угрожающая интересам языковой общности. В последующие годы в рамках языковой политики и на федеральном, и на региональном уровнях ситуация корректировалась. В 2020 г. наблюдался фоновый уровень напряжения. Однако меры в рамках языковой политики, принятые после

2018 г., снизили конфликтность, но не устранили ее, о чем свидетельствует социальная активность языковой общности, активизация движения за сохранение языка и культуры, деятельность языковых активистов и т. д. Как представляется, наиболее гармоничным, способствующим сбалансированности языковой ситуации и функциональному развитию национальных языков является сценарий полилингвального школьного образования. Он предполагает, что представители меньшинств и мажоритарных народов страны обучаются на родных языках, овладевая параллельно общегосударственным языком, региональными языками и иностранными языками.

Заключение

Спрогнозировать возможность языкового конфликта, а соответственно, социального напряжения, – это значит найти способ измерения влияния разных факторов и причин развития проблемы. Это своего рода опережающее отражение уровня социальной напряженности в будущем. Оперативное использование прогнозной информации способно сократить время на выработку решения, повысить его результативность, не допустить возникновения вероятной проблемы или ослабить ее.

Результаты исследования показывают, что эффективным инструментом изучения и прогнозирования языкового конфликта являются адаптированные для этого методики, разработанные в социологии. Выбор инструмента (методики) измерения конфликтного потенциала зависит от сложившейся ситуации в языковом сообществе. При этом необходима разработка многокомпонентной методики анализа, которая позволит дать более детальное представление о языковой ситуации в том или ином регионе, на основе чего возможно построение модели прогнозирования языкового конфликта.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННИО_а “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multilingual Russia as an example”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аюпова Л. Л., 1998. Языковая ситуация в Республике Башкортостан: социолингвистический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа. 335 с.
- Баласникова О. В., 2015. Язык как инструмент конфликта и конфликтные языковые процессы в современном мире: Славянский ареал. (Обзор) // Актуальные проблемы Европы. № 1. С. 194–213.
- Баранова Г. В., Фролов В. А., 2012. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования. № 3 (335). С. 50–65.
- Баскаков А. Н., 1994. Типы языковых конфликтов в регионе Средней Азии и Казахстана // Язык в контексте общественного развития. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 171–180.
- Биткеева А. Н., 2021. Республика Дагестан: современный языковой активизм. Интервью с языковым активистом Д.М. Магомедовым // Социолингвистика. № 3 (7). С. 131–139. DOI: 10.37892/2713-2951-3-7-131-139
- Биткеева А. Н., Кириленко С. В., 2022. Языковые конфликты // Социолингвистика. № 4 (12). С. 199–208. DOI:10.37892/2713-2951-4-12-199-208
- Биткеева А. Н., Вингендер М., Михальченко В. Ю., 2019. Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 3. С. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>
- Кириленко С. В., 2021. Типы говорящих // Социолингвистика. № 1 (5). С. 182–191.
- Кириленко С. В., 2022. Причины возникновения языковых конфликтов в полиэтническом пространстве // Вестник Бурятского госуниверситета. Серия «Филология». Вып 3. С. 16–21. DOI: 10.18101/2686-7095-2022-3-16-21
- Кондрашкина Е. А., 2016. Языковые конфликты // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник. С. 849–853.
- Крючкова Т. Б., 1994. Типология языковых конфликтов // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М. : [б. и.]. С. 125–130.
- Михальченко В. Ю., 2014. Языковой конфликт в полиэтническом государстве // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире : Междунар. конф. : докл. и сообщ. М. : Тезаурус. С. 209–214.
- Никольский Л. Б., 1991. Языковые конфликты в многонациональных странах // Функционирование языков в многонациональном обществе. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 131–143.
- Штырков С. А., 2011. Лингвистический национализм и академическая традиция: соперничество и преемство // Радловский сборник. СПб. : Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. С. 327–333.
- Cargile A.C., Giles H., Clément R., 1995. Language, Conflict, and Ethnolinguistic Identity. URL : https://www.researchgate.net/publication/216308575_Language_conflict_and_ethnolinguistic_identity_theory
- Croucher S. M., 2017. Integrated Threat Theory. P. 1–15. DOI:10.1093/acrefore/9780190228613.013.490
- Littleford L. N., Wright M. O. D., Sayoc-Parial M., 2005. White Students' Intergroup Anxiety During Same-Race and Interracial Interactions: A Multimethod Approach // Basic and Applied Social Psychology. № 27. P. 85–94.
- Liu L. A., Chua C. H., Stahl G. K., 2010. Quality of Communication Experience: Definition, Measurement, and Implications for Intercultural Negotiations // Journal of Applied Psychology. № 95. P. 469–487.
- Nelde P. H., 1993. Contact or Conflict? Observations on the Dynamics and Vitality of European

- Languages // Language Conflict and Language Planning / ed. by E. H. Jahr. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter. P. 165–178.
- Nelde P. H., 1998. Language Conflict // The Handbook of Sociolinguistics / ed. by C. Florian. [S. 1.] : Wiley-Blackwell. 387 p.
- O’Driscoll J., 2019. Introduction. Conflict with the Fabric of Language // The Routledge Handbook of Language in Conflict / ed. by M. Evans, L. Jeffries, J. O’Driscoll. [S. 1.] : Routledge. P. 331–338.
- Schmuck D., Matthes J., 2017. Effects of Economic and Symbolic Threat Appeals in Right-Wing Populist Advertising on Anti-Immigrant Attitudes: The Impact of Textual and Visual Appeals // Political Communication. Vol. 34, № 4. P. 607–626. DOI: 10.1080/10584609.2017.1316807
- Stavenhagen R., 1996. Ethnic Conflicts and Nation-State. N. Y. : St. Martin’s Press. XII, 324 p.
- Stephan W. G., Stephan C. W., 1985. Intergroup Anxiety // Journal of Social Issues. № 41. P. 157–175.
- Stephan W. G., Stephan C. W., 2000. An Integrated Threat Theory of Prejudice // Reducing Prejudice and Discrimination / ed. by S. Oskamp. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates. P. 23–45.
- Stephan W. G., Ybarra O., Morrison K. R., 2016. Intergroup Threat Theory. URL: <https://oscarbarra.psych.lsa.umich.edu/wp/wp-content/uploads/2016/03/1Stephan-Ybarra-RiosMorrisonInPressHandbookCh.pdf>
- Baranova G.V., Frolov V.A., 2012. Metodologiya i metodika izmereniya sotsialnoy napryazhennosti [Methodology and Methods of Estimating Social Tension]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 3 (335), pp. 50-65.
- Baskakov A.N., 1994. Tipy yazykovykh konfliktov v reione Sredney Azii i Kazakhstana [Types of Language Conflicts in the Region of Central Asia and Kazakhstan]. *Yazyk v kontekste obshchestvennogo razvitiya* [Language in the Context of Social Development]. Moscow, In-t yazykoznaniya RAN, pp. 171-180.
- Bitkееva A.N., 2021. Respublika Dagestan: sovremennyy yazykovoy aktivizm. Intervyu s yazykovym aktivistom D.M. Magomedovym [The Republic of Dagestan: Present-Day Language Activism. Interview with the Language Activist D.M. Magomedov]. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], no. 3 (7), pp. 131-139. DOI: 10.37892/2713-2951-3-7-131-139
- Bitkееva A.N., Kirilenko S.V., 2022. Yazykovyye konflikty [Language Conflicts]. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], no. 4 (12), pp. 199-208. DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-199-208
- Bitkееva A.N. Wingender M., Mikhachenko V.Yu., 2019. Prognozirovaniye i yazykovoye mnogoobrazie v Rossiyskoy Federatsii: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Language Prognosis and Language Diversity in the Russian Federation: Sociolinguistic Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 3, pp. 6-23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>
- Kirilenko S.V., 2021. Tipy govoryashchikh [Types of Speakers]. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], no. 1 (5), pp. 182-191.
- Kirilenko S.V., 2022. Prichiny vozniknoveniya yazykovykh konfliktov v polietnicheskom prostranstve [Causes of Language Conflicts in a Multi-Ethnic Space]. *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. Seriya «Filologiya»* [Bulletin of the Buryat State University. Ser. Philology], iss. 3, pp. 16-21. DOI: 10.18101/2686-7095-2022-3-16-21
- Kondrashkina E.A., 2016. Yazykovyye konflikty [Language Conflicts]. *Yazyk i obshchestvo: entsiklopediya* [Language and Society. Encyclopedia]. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 849-853.
- Kryuchkova T.B., 1994. Tipologiya yazykovykh konfliktov [Typology of Language Conflicts]. *Yazykovyye problemy Rossiyskoy Federatsii i zakony o yazykakh* [Language Problems of the Russian Federation and Laws on Languages]. Moscow, s.n., pp. 125-130.

СЛОВАРИ

- CCT – Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М. : Ин-т языкознания РАН. 2006. 312 с.
- DS – A Dictionary of Sociolinguistics / J. Swann, [et al.] Edinburgh : University Press, 2012. 384 p.

REFERENCES

- Ayupova L.L., 1998. *Yazykovaya situatsiya v respublike Bashkortostan: sotsiolingvisticheskiy aspekt: dis. ... d-ra filol. nauk* [Language Situation in the Republic of Bashkortostan: A Sociolinguistic Aspect. Dr. philol. sci. diss.]. Ufa. 335 p.
- Balyasnikova O.V., 2015. Yazyk kak instrument konflikta i konfliktogennyye yazykovyye protsessy v sovremennom mire: Slavyanskiy areal. (Obzor) [Language as an Instrument of Conflict and Conflictogenic Language Processes in the Modern World: The Slavic Area. (Review)]. *Aktualnyye problemy Yevropy* [Actual Problems of Europe], no. 1, pp. 194-213.

- Mikhalchenko V.Yu., 2014. Yazykovoy konflikt v polietnicheskom gosudarstve [Language Conflict in a Multi-Ethnic State]. *Yazykovaya politika i yazykovyye konflikty v sovremennom mire: Mezhdunar. konf.: dokl. i soobshch.* [Language Policy and Language Conflicts in the Modern World. International Conference. Reports and Messages]. Moscow, Tezaurus Publ., pp. 209-214.
- Nikolsky L.B., 1991. Yazykovyye konflikty v mnogonatsionalnykh stranakh [Language Conflicts in Multinational Countries]. *Funktsionirovaniye yazykov v mnogonatsionalnom obshchestve* [Functioning of Languages in a Multinational Society]. Moscow, In-t yazykoznaniiya RAN, pp. 131-143.
- Shtyrkov S.A., 2011. Lingvisticheskiy natsionalizm i akademicheskaya traditsiya: sopernichestvo i preyemstvo [Linguistic Nationalism and Academic Tradition: Rivalry and Succession]. *Radlovskiy sbornik*. Saint Petersburg, Musey antropologii i ethnographii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, pp. 327-333.
- Cargile A.C., Giles H., Clément R., 1995. *Language, Conflict, and Ethnolinguistic Identity*. URL: https://www.researchgate.net/publication/216308575_Language_conflict_and_ethnolinguistic_identity_theory
- Croucher S.M., 2017. *Integrated Threat Theory*, pp. 1-15. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.490
- Littleford L.N., Wright M.O.D., Sayoc-Parial M., 2005. White Students' Intergroup Anxiety During Same-Race and Interracial Interactions: A Multimethod Approach. *Basic and Applied Social Psychology*, no. 27, pp. 85-94.
- Liu L.A., Chua C.H., Stahl G.K., 2010. Quality of Communication Experience: Definition, Measurement, and Implications for Intercultural Negotiations. *Journal of Applied Psychology*, no. 95, pp. 469-487.
- Nelde P.H., 1993. Contact or Conflict? Observations on the Dynamics and Vitality of European Languages. Jahr E.H., ed. *Language Conflict and Language Planning*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, pp. 165-178.
- Nelde P.H., 1998. Language Conflict. Florian C., ed. *The Handbook of Sociolinguistics*. S.I., Wiley-Blackwell. 387 p.
- O'Driscoll J., 2019. Introduction. Conflict with the Fabric of Language. Evans M., Jeffries L., O'Driscoll J., eds. *The Routledge Handbook of Language in Conflict*. S.I., Routledge, pp. 331-338.
- Schmuck D., Matthes J., 2017. Effects of Economic and Symbolic Threat Appeals in Right-Wing Populist Advertising on Anti-Immigrant Attitudes: The Impact of Textual and Visual Appeals. *Political Communication*, vol. 34, no. 4, pp. 607-626. DOI: 10.1080/10584609.2017.1316807
- Stavenhagen R., 1996. *Ethnic Conflicts and Nation-State*. New York, St. Martin's Press. XII, 324 p.
- Stephan W.G., Stephan C.W., 1985. Intergroup Anxiety. *Journal of Social Issues*, no. 41, pp. 157-175.
- Stephan W.G., Stephan C.W., 2000. An Integrated Threat Theory of Prejudice. Oskamp S., ed. *Reducing Prejudice and Discrimination*. Mahwah, New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates, pp. 23-45.
- Stephan W.G., Ybarra O., Morrison K.R., 2016. *Intergroup Threat Theory*. URL: <https://oscarybarra.psych.lsa.umich.edu/wp/wp-content/uploads/2016/03/1Stephan-Ybarra-RiosMorrisonInPressHandbookCh.pdf>

DICTIONARIES

- Mikhalchenko V.Yu., ed. *Slovar sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow, In-t yazykoznaniiya RAN, 2006. 312 p.
- Swann J., et al. *A Dictionary of Sociolinguistics*. Edinburgh, University Press, 2012. 384 p.

Information About the Authors

Aysa N. Bitkeeva, Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Research Center for National-Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, B. Kislovsky Lane, 1/1, 125009 Moscow, Russia, aisa_bitkeeva@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-3765-2144>

Svetlana V. Kirilenko, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Research Center for National-Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, B. Kislovsky Lane, 1/1 125009 Moscow, Russia, svetlanavk@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7902-6032>

Информация об авторах

Айса Николаевна Биткеева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, пер. Б. Кисловский, 1/1, 125009 г. Москва, Россия, aisa_bitkeeva@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-3765-2144>

Светлана Владимировна Кириленко, кандидат филологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, пер. Б. Кисловский, 1/1, 125009 г. Москва, Россия, svetlanavk@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7902-6032>